№ 21 —
809

59 809

1725 220 лет 1945

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР
1945

1621
809

АКАДЕМИЯ НАУК СОЮЗА ССР

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ АКАДЕМИИ НАУК

☆

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

Под редакцией
Академика-секретаря
Отделения истории и философии
академика В. П. ВОЛГИНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1945 ЛЕНИНГРАД

Печатается по постановлению
Президиума Всесоюзного комитета
по проведению 220-летия Академии Наук СССР

Составители: проф. *И. И. ЛЮБИМЕНКО,*
С. А. ТОКАРЕВ, И. У. БУДОВНИЦ, В. В. АЛЬТМАН

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
812212

I

Петр I, вынашивая планы создания Академии Наук, имел в виду, что она будет заниматься не только науками естественными, но и науками гуманитарными, в частности историей.

Усилия Петра по строительству и укреплению российского национального государства дали к этому времени свои результаты. Россия превратилась в могущественную империю, занявшую виднейшее место в системе европейских государств. Внутри страны происходила кипучая перестройка всех отраслей хозяйства, культуры и бытового уклада. Блистательная победа над Швецией, выход к Балтийскому морю и большие территориальные приобретения на Востоке содействовали росту национального самосознания. В связи с этим появляется интерес к историческому прошлому родной страны, которая в короткий срок добилась таких огромных успехов. Возникает потребность в исторической литературе, служащей политическим целям дворянства и купечества, интересы которых представляла государственная власть. Все это, наряду с общим оживлением умственной жизни, вызвало также оживление и в области развития исторических знаний. Еще до основания Академии Наук в России появляются переводные книги по всеобщей истории и делается ряд попыток, правда, неудачных, по написанию истории России. Сам Петр, обладавший драгоценным свойством всюду поспевать и за всем следить, уделяет этому делу заметное внимание.

Задолго до создания Академии он отдал распоряжение

собирать летописи, документы и другие материалы по истории России. Обнаружив случайно в Кенигсберге Радзивилловский список летописи, Петр распорядился снять с него копию. Собранные летописи и хронографы позволили впоследствии одному из «птенцов гнезда Петрова» В. Н. Татищеву написать первую четырехтомную «Историю России с самых древнейших времен». Таким образом, Петровская эпоха приготовила для Академии в области исторических наук известное наследство.

Соответственно первому уставу Академии Наук, выработанному еще при Петре, в ее составе имелся гуманитарный класс с тремя кафедрами: 1) Красноречия и древности, 2) Истории древней и новой, 3) Права купно с политикой и этикой. Открывшийся при Академии университет должен был иметь в своем составе философский факультет, в котором, рядом с представителями математических наук, должны были преподавать академик красноречия и древности и академик-историк.

Однако молодой Академии Наук в области истории приходилось работать на недостаточно подготовленной почве. Не были приведены в известность самые необходимые источники по истории России, не было своих подготовленных кадров, не было, наконец, самых элементарных сведений о различных областях России, о составе, образе жизни, обычаях и нравах населяющих ее народов. Нужно было заполнить все эти пробелы, прежде чем поставить изучение русской истории на солидную научную почву. Именно этому были посвящены труды Академии Наук в течение всего XVIII века, и в этом ее огромная заслуга.

Собирание исторических источников тесно соприкасалось с собиранием материалов по этнографии русского и других народов, населявших Россию. На протяжении более ста лет, до середины XIX века, Академия Наук была единственным учреждением, которое собирало и руководило обработкой этнографических материалов. Деятельность эта началась с первых же лет существования Академии. В XVIII веке Академия организовала одну за другой крупнейшие научные экспедиции, которые по своему масштабу, широте и серьезности задач, богатству результатов далеко превосходили все, что делалось в то время в других странах.

Наибольшее значение для развития этнографии получили две огромные, даже и по нынешним масштабам, экспедиции: Вторая Камчатская (Великая северная) 1732—1743 гг. и «Физическая» 1768—1774 гг.

Вторая Камчатская экспедиция представляла необычайно широкое научное предприятие, имевшее задачей не только изучение морских границ Сибири и связи ее с Америкой, но и всестороннее обследование внутренних областей Сибири, изучение ее природы, быта, населения, древностей.

Особенно следует отметить труды академика Г. Ф. Миллера. Приехав в Россию 20-летним юношей, он прожил здесь всю свою долгую жизнь и все эти годы являлся деятельным работником Академии Наук. В Сибири во время экспедиции он использовал и отчасти упорядочил до 20 архивов. Результатом этих трудов явилась известная «История Сибири». Собранные Миллером архивные материалы, так называемые «портфели Миллера», представляют до сих пор огромную ценность для историка Сибири.

Вторая Камчатская экспедиция накопила также множество сведений о быте сибирских народов.

Исключительное место среди работ участников экспедиции занимает замечательный двухтомный труд Степана Крашенинникова «Описание земли Камчатки» (1755). Помимо физико-географического описания Камчатки, Крашенинников дает здесь полное, серьезное, глубокое исследование быта и культуры ее населения, равного которому нельзя указать в мировой этнографической литературе не только XVIII века, но и более позднего времени. Труд С. П. Крашенинникова был переиздан в 1786 и 1818 гг. и переведен на английский, французский, немецкий и голландский языки.

О высоком по тому времени научном уровне, на каком стояла вся вообще работа экспедиции, можно судить отчасти и по инструкциям, которыми руководились ее участники. Из этих инструкций видно, что исторические и этнографические исследования занимали отнюдь не случайное место в программах работ путешественников. В Инструкции Академии Наук указывается на необходимость «наипаче наблюдать..., где будут пределы каждого народа, какие границы и не разных ли происхождений и разных родов народы между собой смешаны, или нет». Далее: «Какие суть начала каждого народа по их же повествованию, какие суть каждого народа древние жилища, переселения, дела и проч.». Таким образом, Академию интересовали вопросы, как мы бы сказали, этногенеза народов Сибири. Затем требовалось выяснить, «какая есть в каждом народе вера», «обычаи и обряды народные, домашние и брачные», «об языке каждого народа надобно сделать несколько примеров»;

рекомендовалось применять фонетическую транскрипцию имен и названий, которые «точно по настоящему того народа и соседних народов произношению записывать должно». Помимо этой краткой инструкции, сотрудники экспедиции учитывали и гораздо более подробную программу историко-этнографического обследования, составленную в 1734 г. замечательным русским ученым В. Н. Татищевым. Эта программа, состоявшая из 198 вопросов, является едва ли не первой в мире этнографической анкетой. Следует вообще отметить, что хотя первый русский историк В. Н. Татищев формально не состоял в академическом штате и большею частью не жил в Петербурге, тем не менее держал с Академией постоянную связь.

Большая академическая экспедиция 1768—1774 гг. охватила огромную территорию — Поволжье и Приуралье, Север, Кавказ и Сибирь. Экспедиция эта состояла из ряда научных поездок таких ученых, как П. С. Паллас, В. Ф. Зуев, Н. П. Рычков, И. И. Лепехин, Н. Я. Озерецковский и др. Ни один из них не ставил себе чисто исторических и этнографических задач, но ни один не упускал случая записать встречавшиеся особенности быта, верований, даже внешнего вида местного населения.

Особенно много этнографического материала в «Дневных записках» Ивана Лепехина. И. И. Лепехин дал описания русских и сибирских городов и даже сел, промышленности, торговли, народных обычаев. Н. Я. Озерецковский, закончивший последний том записок Лепехина, дал в нем интересные сведения о нашем Севере и его населении. Николай Рычков и другие участники экспедиции дали описание развалин старинного города Болгар.

Характеризуя деятельность Академии в XVIII веке в области исторической науки, следует еще упомянуть о работе жителей провинции, не состоявших в академическом штате, но находившихся в контакте с Академией, помещавших свои труды в ее изданиях, иногда делавшихся ее членами-корреспондентами.

Первым членом-корреспондентом Академии Наук был П. И. Рычков, отец путешественника Николая Рычкова. Любопытно, что звание члена-корреспондента было специально учреждено для П. И. Рычкова по предложению М. В. Ломоносова, высоко ценившего его труды. Этими трудами широко пользовался А. С. Пушкин для своих исторических работ по истории Пугачева. П. И. Рычков известен главным образом как историк Оренбургского края, но он написал также «Опыт Казанской истории» и «Вве-

дение в Астраханскую топографию». При отсутствии критического подхода к материалу, что являлось серьезным недостатком работы Рычкова, они отличаются в то же время обилием сообщаемых сведений.

Другой член-корреспондент Академии Наук — В. Крестинин позже собрал богатый материал по истории Двинского края; его сведения об Архангельске, Вологде, о торговле русских с англичанами на Севере не потеряли своего интереса до сих пор.

Академия Наук сыграла большую роль в расширении исторических познаний читающей русской публики. Наряду с научными работами Академии, имевшими весьма ограниченный круг читателей, Академия издавала также переводы, отвечавшие возникавшему интересу к Западу. Особенно должны быть отмечены переводы статей из знаменитой Французской энциклопедии. В этих переводах исторические статьи занимали значительное место, и среди них статьи Дидро, Руссо, Жокура и других. Ф. Туманским была переведена статья Жокура «О государственном правлении и разных родах оного». В 1778 г. появился перевод статьи Руссо «О политической экономии или государственном благоучреждении». Переведено было и знаменитое сочинение Монтескье «О разуме законов» (1775). Очень много сделано было в этой области академическим выучеником В. Световым, переведшим капитальное сочинение Ахенваля «Начертание истории нынешних знатнейших европейских государств» (1779), а также сочинение Тацита «О положении, обычаях и о народах Германии» (1772).

В «Ведомостях» Академии сообщалось немало исторических сведений. Издавался и специальный исторический календарь. С 1726 г. Академия издавала периодические «Месяцесловы» с разными общеполезными сведениями, среди которых было немало исторических и этнографических материалов. Там читатель находил статьи «об астрономии гренландских жителей», «о Великой Татарии», «о происхождении молдавцов, о их языке..., вере, нравах и поведениях», о Бухарии, о Чукотском носе, о «королевстве Тибетском», о Курильских островах, «о Тунгусах вообще», «о Калмыцком народе» и пр. Эти любопытные, но разбросанные в плохо сохранившихся изданиях материалы были в 80-х годах XVIII века собраны и переизданы академиком Н. Озерецковским под названием «Собрание сочинений, выбранных из месяцесловов, на разные годы» (10 томов).

По мере накопления источников перед Академией Наук все более настоятельно выдвигалась задача составления общей истории России. Официальный «историограф» Миллер, которому было поручено составить «генеральную российскую историю», не справился с этой задачей. Ввиду этого академическое руководство пришло к мысли о необходимости создания какой-то коллективной организации для исторической работы. В 1748 г. был учрежден в Академии «Исторический департамент», а вслед за ним «Историческое собрание», которому отведена была палата, чтобы расположить «историческую архиву» и где «все то прочтено и пересмотрено быть может, что в Историческом департаменте сочинено будет». Членом этого Собрания был среди других назначен Михаил Васильевич Ломоносов, отец русской науки.

Ломоносов был не только гениальный естествоиспытатель, обогативший науку трудами и открытиями первостепенного значения, но и замечательный филолог и поэт, усовершенствовавший русский литературный язык. Он вообще был тогда единственным в Академии Наук человеком, в совершенстве владевшим русским литературным языком того времени и классическим стилем. К нему и обратилось правительство с предложением, являвшимся в сущности приказанием, написать русскую историю.

Энергичный, кипуче деятельный, полный горячей любви к своей родине, подозрительно относившийся к предоставлению иностранцам исторических документов о России, Ломоносов приступил к этой работе, испросив для себя, как особой милости, разрешения вместо отдыха продолжать свои физические и химические опыты. Но великий физик и химик, замечательный литератор и филолог не мог в короткий срок справиться с возложенной на него задачей. В отдельных замечаниях Ломоносова о происхождении русского народа, о скифах, сарматах сказывается вся сила его острого ума, в других же случаях не умеряемое критическими навыками историка увлечение классицизмом приводит его к ненужным параллелям между русской и римской историей, к рискованным филологическим сближениям и т. п. Ломоносов сам был неудовлетворен результатами своей работы. Он писал Шувалову, что для такой работы нужно время, а его нещадно торопили. Свою историю он успел довести лишь до 1054 г.

Между тем основной для того времени источник по русской истории — русские летописи, которыми пользовались для своих исторических трудов и В. Н. Татищев и М. В. Ломоносов, все еще

оставались неопубликованными. Вопрос об издании этого важнейшего исторического источника был поставлен Академией Наук еще в 1732 г. В 1734 г. план издания летописей казался близким к осуществлению, но на него был наложен запрет синодом, выразившим опасение, что «в оных книгах написаны лжи явственные», отчего в народе может произойти соблазн. В правительственных кругах также существовало течение, враждебное этому изданию, склонное рассматривать даже древние памятники как документы, содержащие государственные тайны, неподлежащие оглашению.

В 1758 г., после занятия русскими войсками Кенигсберга, оттуда был вытребован в Петербург хранившийся в Кенигсберге список «Летописи Нестора», который решено было издать. Любопытно, что в это время в самой Академии находился уже Ипатьевский список, разысканный только впоследствии Карамзиным.

В царствование Екатерины II сложились более благоприятные условия для исторической работы. В 60-х годах XVIII века Радзивилловский список летописи был подготовлен к изданию, но к сожалению, мало сведущими людьми — И. Таубертом и Барковым, почему в работе были допущены большие погрешности. Одновременно Академия приступила к печатанию наиболее обширного и полного Никоновского списка, две части которого вышли в 60-х годах XVIII века, а третья — лишь в 1786 г.

Первую часть летописи подготовил к печати А. Л. Шлецер, проживавший с 1760 г. в России, куда он был приглашен в качестве помощника Г. Миллера. Благодаря поддержке Академии Наук шлецеровский «Несто́р» увидел свет. Отправная точка зрения Шлеце́ра была неправильной, поскольку он исходил из убеждения, что автором русской летописи является один Нестор, а все позднейшие варианты представляют собой одни лишь искажения его текста.

В конце XVIII века вышли также Воскресенская и Софийская летописи.

Наряду с публикацией летописей, с 1786 г. началось издание таких замечательных памятников русского права, как «Русская Правда» и «Судебник» царя Ивана Васильевича.

Оба эти памятника были напечатаны в первой части «Продолжения древней Российской Вивлиофики». В этом многотомном издании Академии Наук было опубликовано также много других исторических материалов.

Кропотливая работа по выявлению и публикации источников, проводившаяся на протяжении XVIII века, сделала возможным появление знаменитого труда по русской истории Н. М. Карамзина, который состоял с 1818 г. почетным членом Академии Наук, опирался в своей работе на все ее предшествующие труды по русской истории, читал в ее собраниях отрывки из своей «Истории». Известно, с каким восторгом была встречена русской читающей публикой «История Государства Российского» Н. М. Карамзина. Пушкин говорил про ее автора, что он открыл русскую историю для русских читателей, подобно тому как Колумб открыл Америку. Сам Пушкин все чаще и чаще стал обращаться к историческим сюжетам. Все это отражало необычайно возросший интерес со стороны русской интеллигенции к родной истории, в свою очередь связанный с дальнейшим ростом национального самосознания.

Между тем «История Государства Российского» Н. М. Карамзина, при всех ее литературных достоинствах, с точки зрения научной даже для своего времени не могла быть признана вполне удовлетворительной.

Карамзин писал свой труд в переломный период нашей истории, когда уже явно наметились признаки разложения старого феодально-крепостнического уклада. Взбудораженные Отечественной войной 1812 года, лучшие, патриотически настроенные представители дворянской молодежи стремились к преодолению отсталости России путем полной или частичной отмены крепостного права и конституционных преобразований. Такие радикально настроенные дворянские революционеры, как П. И. Пестель, шли еще дальше, требуя освобождения крестьян с землей, создания в России республики, уничтожения сословий и полного равноправия всех граждан.

Но дворянским революционерам противостояла реакционно настроенная основная масса дворянства, стремившаяся во что бы то ни стало сохранить старые устои государства. Свою опору эта часть дворянства видела в самодержавии, призванном всеми имеющимися в его распоряжении средствами насилия подавлять всякие попытки изменить установившиеся и веками «освященные» феодально-крепостнические отношения.

К этой части консервативного дворянства и принадлежал Карамзин, которому весь ход русской истории представлялся цепью событий, неизменно подтверждающих спасительную роль самодер-

жавия, опирающегося на дворянство. Уже современникам Карамзина, таким, например, как Пушкин, Полевой, Арцыбашев, представителям «скептической школы» были ясны недостатки «Истории Государства Российского». В частности, Н. А. Полевой сделал попытку противопоставить карамзиновской истории русского государства свою «Историю русского народа». Надо, однако, отметить, что все такие попытки делались вне Академии Наук, которая попрежнему больше занималась собиранием исторических источников, чем обобщением уже накопленных исторических фактов.

Источников все еще было недостаточно.

Если в изучении и издании летописей были достигнуты известные успехи, то еще слишком мало было вовлечено в научный оборот актового материала и других документов, в изобилии имевшихся в монастырях — основных хранилищах древней Руси.

Немало было сделано для научного издания наших актов графом Н. П. Румянцовым, не жалевшим средств для публикации исторических документов. С 1813 г. на его средства начало издаваться знаменитое и сейчас сохраняющее свое значение «Собрание Государственных Грамот и Договоров». На его же средства были изданы «Судебники», «Софийский Временник», «Памятники русской словесности XII века», «Белорусский Архив» и др. Однако богатейшие архивы монастырей увидели свет и прочно вошли в научный оборот лишь благодаря организованной Академией Наук знаменитой Археографической экспедиции, возглавлявшейся одним из самых деятельных сотрудников графа Румянцова — П. М. Строевым.

Мысль о необходимости снаряжения археографической экспедиции возникла у П. М. Строева еще в 1823 г., но другие работы и смерть графа Н. П. Румянцова, обещавшего ему поддержку, задержали ее выполнение. В 1828 г. П. М. Строев обратился в Академию Наук с предложением снарядить специальную экспедицию по северным и средним губерниям России для обозрения, разбора и научного описания всех монастырских, соборных, духовно-училищных и прочих собраний рукописей. Академия Наук сочувственно отнеслась к этому предложению и в течение шести лет работы экспедиции отпускала на ее содержание по десять тысяч рублей в год. В 1829 г. П. М. Строев с двумя помощниками выехал в путь. В 1830 г. к П. М. Строеву присоединился Я. И. Бередников. За шесть лет работы экспедиция объехала четырнадцать

губерний, обследовав более двухсот библиотек и архивов. Она собрала до трех тысяч актов и составила каталог рукописей и старопечатных книг, хранившихся в монастырских библиотеках. Результаты этой академической экспедиции были столь грандиозны, что для издания всех ее материалов была создана специальная Археографическая комиссия, просуществовавшая почти сто лет и уже на нашей памяти влившаяся в Академию Наук СССР. За время своего существования Археографическая комиссия издала многотомные собрания разнообразных исторических актов: «Акты Археографической Экспедиции», «Акты Исторические», «Дополнения к Актам Историческим», «Акты Юридические», «Акты, относящиеся до юридического быта древней России», «Акты, относящиеся к истории Западной России», «Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России», «Русско-Ливонские акты» и др., «Полное Собрание Русских Летописей», десятки томов «Русской Исторической Библиотеки», десятки томов «Летописи занятий Археографической Комиссии», содержащие исключительно ценные исторические документы, и множество других исторических источников. Эти богатейшие собрания источников были широко использованы таким выдающимся деятелем русской исторической науки, каким был академик Сергей Михайлович Соловьев.

В связи с образованием Археографической комиссии началось значительное расширение объема исторических работ в Академии Наук. В 1841 г. Академия Наук была разделена на три отделения. Третьим из них стало отделение «исторических и политических наук» в составе политической экономии и статистики, истории и древностей российских, греческих и римских древностей и словесности азиатских народов.

Вскоре после этого расширились и хронологические рамки исторических работ Академии Наук, стали изучаться более поздние периоды. С 1837 г., когда в Академию вступил молодой профессор Петербургского университета Н. Г. Устрялов, началась работа по истории XVIII века и, в частности, по истории Петра I. Еще до вступления в Академию Устрялов был дважды ею премирован Демидовской премией за научные публикации «Сказаний князя Курбского» и Сказаний иностранцев о первом Лжедмитрии. Вскоре Устрялов всецело отдался изучению эпохи Петра I. Его шеститомный труд «История царствования Петра Великого» (вышли только тт. I—IV и VI; т. V остался незавершенным), в свое время подвергшийся за методологические ошибки суровой критике

Н. А. Добролюбова, содержит, однако, большой фактический материал. Устряловым использованы новые материалы, почерпнутые из государственного архива, в чем и заключается его большая заслуга.

В 1841 г. в Академии Наук было образовано из «Российской Академии» II Отделение — Русского языка и словесности. Ряд членов II Отделения были видными историками. К их числу относятся такие ученые, как П. М. Строев, Я. И. Бередников, и др. Многие члены II Отделения были москвичами, часто профессорами Московского университета, так что с этого времени в составе Академии оказались не только петербургские ученые-историки, но и московские; к их числу принадлежал известный историк и усердный собиратель русских древностей М. П. Погодин. Выступив в юные годы как прогрессивный историк и противник исторической схемы Карамзина, Погодин скоро, однако, перешел в лагерь реакции и в расцвете своей ученой карьеры, уже увенчанный званием члена Академии Наук, видел свое назначение в пропаганде теории «самодержавия, православия и народности». В Москве М. П. Погодин долгое время преподавал в Московском университете и был секретарем московского «Общества Истории и Древностей Российских». Основанное в 1804 г., Общество это было первым в России археологическим учреждением, хотя главное свое внимание оно обращало на издание письменных исторических документов. С 1846 г. Общество регулярно стало издавать свои «Чтения», где напечатано огромное количество исторических материалов.

После полосы затишья, вызванного реакцией глухой поры николаевского царствования, в 40-х годах XIX века оживляются работы Академии Наук по этнографии. В этом отношении большую роль сыграли труды М. А. Кастрена. Роль этого замечательного ученого в развитии нашей этнографии исключительно велика. Всей своей работой Кастрен был связан с Петербургской Академией Наук, которая и субсидировала его ученые путешествия. Если первые поездки Кастрена по Лапландии, северной Финляндии и северной России (1838—1844) протекали без участия Академии, то плодотворнейшие по своим результатам путешествия Кастрена по Сибири в 1845—1849 гг. были им совершены в тесном контакте с Академией, от которой он получал средства, для которой собирал коллекции. Своими изумительными исследованиями Кастрен впервые ввел в научный оборот бесписьменные и до того неведомые языки народов Сибири: «самоедские», тунгус-

ские, языки остяков и вогулов, кетов, бурят и др., составил грамматики по этим языкам, проследил связи между ними, поставил впервые на научную почву вопрос о происхождении народов «урало-алтайской» группы.

С 1840-х годов начинается более планомерное собирание этнографических материалов по отдельным областям России. Эти годы были вообще началом нового этапа в развитии этнографии в нашей стране, что было вызвано общим оживлением в общественно-литературной жизни, которое характеризует вторую половину николаевского царствования. В открытом в 1845 г. Географическом обществе существовало отделение этнографии, которое развернуло деятельную работу по собиранию этнографических материалов по всей стране, вовлекая в это дело довольно широкие слои общественности. Таким образом, у Академии Наук появился важный и полезный сотрудник в работе по этнографии. Между обеими научными организациями, Академией и Географическим обществом, не было соперничества, а было плодотворное сотрудничество. Виднейшими членами Общества были академики. Научные экспедиции организовывались нередко совместно. Вещественные коллекции, поступавшие в Географическое общество из поездок его членов, передавались Обществом в музеи Академии. Различие между этими учреждениями состояло лишь в том, что Академия представляла собой официальную науку, а Общество представляло более широкие научно-общественные круги.

В результате многочисленных этнографических обследований народов Сибири, Поволжья, центральных и северных районов, Кавказа, Средней Азии и др. в 1852 г. была издана первая этнографическая карта России.

В тесном сотрудничестве с Академией Наук протекала также деятельность Русского археологического общества, основанного почти одновременно с Русским географическим обществом (в 1846 г.). Достаточно указать, что виднейшими членами Общества, а также основанной в 1859 г. Археологической комиссии, были такие известные ученые-академики, как И. И. Срезневский, А. Ф. Бычков, С. Ф. Ольденбург, В. В. Латышев, Н. Я. Марр и др.

Бурные события середины XIX века, когда Россия вступила на путь капиталистического развития, естественно нашли отражение в исторической науке. На смену старым схемам дворянской историографии приходят новые схемы, содержащие буржуазные исторические идеи, особенно ярко пробивающиеся в капитальных трудах С. М. Соловьева. В исторической литературе этой поры кипят

споры о закономерности исторического развития, об исторических судьбах России и своеобразии ее исторического пути. Все чаще и чаще представители различных общественных лагерей обращаются к примерам из исторического прошлого для подкрепления своих политических взглядов. Обостряется внимание к переломным эпохам русской истории, особенно к эпохе Петра I, мероприятия которого по развитию экономики и культуры России некоторые историки восторженно приветствуют, а другие осуждают как «искусственные», задержавшие естественный ход развития России. Этот интерес к Петровской эпохе сказывается и на исторических трудах академических ученых. Мы упоминали уже об «Истории царствования Петра Великого» Н. Г. Устрялова; к истории XVIII века обращаются также академики П. П. Пекарский, М. И. Сухомлинов, М. П. Погодин и др. Большое оживление в области изучения Петровской эпохи внесла подготовка к двухсотлетию со дня рождения Петра, которое было торжественно отпраздновано в 1872 г. Наряду с работой Н. Г. Устрялова, к этому времени были сделаны Н. В. Калачовым извлечения из протоколов и постановлений Правительствующего Сената за 1711—1725 гг. Еще в 1862 г. П. П. Пекарскому была присуждена Демидовская премия за его ценное справочное сочинение «Наука и литература в России при Петре Великом». Как специалисту в области просвещения Академия поручила Пекарскому работу по истории Академии Наук. Избранный Пекарским биографический план работы сильно затянул дело, так что он успел довести свою двухтомную историю лишь до 1767 г., дав в ней, после краткого общего очерка, очень богатый фактический материал о первых академиках и их работах. Особенно ценны данные о Ломоносове, дополнением к которым послужили «Материалы для биографии Ломоносова» академика П. С. Билярского (1865).

По биографическому пути пошел и автор «Истории Российской Академии» М. И. Сухомлинов, собравший в восьми томах очень много данных о всех ее членах. Последний том этой истории посвящен трудам Российской Академии: ее русским словарям, грамматике, литературным предприятиям. Очень ценны изданные Сухомлиновым десять томов «Материалов для истории Академии Наук» (1885—1900), но они охватывают еще более краткий период, чем история Пекарского. Таким образом, несмотря на довольно обширные работы по истории Академии Наук, удалось осветить лишь первые сорок лет ее существования, все же остальные годы ее деятельности оставлены нашему времени.

В 1872 г. был избран в Академию Наук знаменитый историк Сергей Михайлович Соловьев, автор широко известной «Истории России с древнейших времен», начавшей выходить с 1851 г. и прервавшейся на двадцать девятом томе в 1879 г. Характерно, что С. М. Соловьев, как и другой крупный русский историк, автор выдающихся трудов по русскому летописанию, К. Н. Бестужев-Рюмин, были избраны в Академию Наук по II Отделению — Русского языка и словесности, а не на историческую кафедру.

С. М. Соловьев — крупнейший русский историк XIX века; он сыграл весьма значительную общественно-прогрессивную роль. Соловьев стоял не только на уровне европейской буржуазной историографии своего времени, но во многом и выше ее. Ученый с исключительно острым историческим чутьем, вдумчивый и кропотливый исследователь, отличный знаток источников, многие из которых лично были им обнаружены, неутомимый труженик науки, С. М. Соловьев отказался от реакционных славянофильских теорий об особой исторической судьбе России, о резком отличии ее исторического развития от остальной Европы, о мнимом совершенстве общественных отношений допетровской Руси.

Многое в исторических взглядах Соловьева представляется нам сейчас устарелым и ненаучным (теория родового быта, государственная теория, преувеличение роли географического фактора в истории России), и все же Соловьев дал громадный толчок пониманию русского исторического процесса. Он оказал в этом отношении огромное влияние на последующие поколения русских историков и, в частности, на своего талантливейшего ученика, академика В. О. Ключевского, автора широко известного «Курса русской истории», «Боярской думы древней Руси» и других исторических исследований.

Деятельность В. О. Ключевского протекала на стыке двух исторических эпох. Выйдя из школы Соловьева, Ключевский достиг научной зрелости уже в эпоху широкого распространения марксистского мировоззрения. Это отразилось на его попытке дать новый синтез русской истории путем внесения в схему Соловьева социального и экономического содержания. Несмотря на то, что эта попытка потерпела явную неудачу, приведя ее автора к эклектизму, она заслуживает всяческой похвалы, поскольку заставила В. О. Ключевского с особым вниманием отнестись к разнообразным явлениям народной жизни, к экономическим и социальным проблемам русской истории. Это помогло ему с боль-

шой исторической и художественной правдой и проникновенностью изображать прошлое русского народа. Редкий мастер исторической прозы, под пером которого оживали русское прошлое и деятели русской истории, В. О. Ключевский производил незабываемое впечатление на своих учеников, слушателей и читателей. Горячий патриот, он с большой силой и блеском разоблачал имевшие широкое хождение в европейской литературе всякие реакционные вымыслы и легенды о России, способствуя правильному представлению о славном историческом прошлом нашей Родины.

С конца XIX века диапазон исторических работ в Академии Наук еще более расширяется. В 1890 г. в Академию вступил известный военный писатель генерал Н. Ф. Дубровин, принесший с собой новую военную тематику XIX века. Автор «Истории войны и владычества русских на Кавказе» (шесть томов, 1871—1888), он выпустил в 1903 г. «Историю Крымской войны и обороны Севастополя». Им также издавались «Доклады и приговоры Сената» петровского времени и документы Верховного Тайного Совета 1726—1730 гг.

В области истории мусульманских народов конец XIX — начало XX столетия ознаменовались появлением труда академика В. В. Бартольда — «Туркестан в эпоху монгольского нашествия» (чч. 1—2, 1898—1900), положившего основание научной истории Средней Азии от времен арабского завоевания до XIII века. К исследованию впервые были привлечены с исчерпывающей полнотой арабо-персидские письменные источники. Затрагивая преимущественно вопросы среднеазиатской истории, труд В. В. Бартольда является также весьма существенным для средневековой истории соседних с Средней Азией стран, в том числе Восточного Ирана. Работы ученого, написанные после «Туркестана», касаются самых разнообразных сторон среднеазиатской истории, географии, культуры. В. В. Бартольду также принадлежит разработка важнейших исторических проблем арабских стран, Ирана и турецких народов. Изданная им «История изучения Востока в Европе и России», несмотря на ряд пробелов, является до настоящего времени единственным в своем роде пособием, вводящим в историю востоковедения.

Фактом очень большого значения явилось создание в III Отделении Академии Наук особой кафедры византиноведения, первым представителем которой явился с 1890 г. крупнейший специалист Василий Григорьевич Васильевский, который не только

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

сам посвятил себя всецело византиноведческим исследованиям, но и создал школу русских византиноведов. В. Г. Васильевский не являлся ученым-одиночкой, как большинство его предшественников-академиков; как профессор Петербургского университета он был тесно связан с учащейся молодежью, умело формируя из нее продолжателей своего дела. Ценные услуги оказал он византиноведению изданием памятников, толкованием неясных до тех пор терминов, изучением отдельных выдающихся моментов византийской истории, особенно истории крестьянства. Прокладывая новые пути в деле изучения сложных памятников и освещения неясных историкам вопросов, подготовив ценнейшие «Материалы для истории Византийского государства», В. Г. Васильевский не успел, однако, написать историю Византии, к чему всегда стремился. Его инициативой и трудами был создан журнал «Византийский Временник». Многие работы его были тесно связаны с древней русской историей, в которой Византия сыграла свою роль. Ценны его исследования «Печенеги и Византия», работы, посвященные крещению Руси, походам Святослава, ранним русско-византийским отношениям («Варяго-русская дружина в Константинополе»). Его работы касаются также истории южных славян и эпохи крестовых походов.

Учеником и продолжателем работ В. Г. Васильевского был избранный в Академию в 1900 г. Федор Иванович Успенский, столетие со дня рождения которого недавно (1945) отмечалось в Академии Наук. По его инициативе, при поддержке В. Г. Васильевского, был организован в 1894 г. «Русский археологический институт» в Константинополе. Ф. И. Успенский был первым директором Института и широко развернул в нем свою деятельность. Он организовал экспедиции в Сирию и Палестину, раскопки в Болгарии. Работал Ф. И. Успенский и по ранней истории славянства, связанной с историей Византии; его интересовали главным образом социально-экономические и культурно-исторические темы. Итогом и обобщением трудов Ф. И. Успенского явилась его двухтомная «История Византийской Империи» (1913 и 1926 гг.).

Наряду с византиноведением выросли в Академии и работы по славяноведению, осуществлявшиеся во II Отделении. Уже в 1880 г. сюда был привлечен И. В. Ягич, уроженец Хорватии, который выдвинул неосуществившийся план создания в Петербургской Академии Наук центра европейского научного славяноведения с библиотекой и музеем. Крупный славист, автор шести-

сот работ по языкознанию, истории письма, фольклору, этнографии, истории литературы славянства, Ягич занимался и историей лишь отчасти.

В 1900 г. в Академию был избран В. И. Ламанский, автор книги «Об изучении греко-славянского мира в Европе», талантливый ученый, но приверженец реакционных панславистских взглядов.

В 1894 г. во II Отделение вступил А. А. Шахматов, крупнейший филолог своего времени, сумевший поставить филологию на службу истории и давший исключительно ценные труды по изучению летописей. Путем тщательного анализа он восстановил ранний текст «Повести временных лет», признав, однако, что и внутри его имеются напластования более древних сводов. Замечательны его работы: «Древнейшая редакция Повести временных лет» (1897), «О начальном Киевском летописном своде» (1897) и, наконец, «Разыскания о древнейших летописных сводах» (1908). Древнейшим сводом он признал Киевский 1039 г., на основе которого уже составлялись Новгородский и Киево-Печерский — предшественники «Повести временных лет» Нестора. Большое историческое значение имела его работа «Древнейшие судьбы русского племени» (1919), в которой собрана богатейшая историческая аргументация в пользу положения об исконном единстве русского народа. В научном наследии А. А. Шахматова имеются работы, посвященные договорам русских князей с греками, исторической этнографии Восточной Европы и другим вопросам.

К концу XIX века центром научной этнографической работы в Академии становится Этнографический музей, сильно выросший в 90-х годах. Музей получил расширенное помещение, увеличенный бюджет, ряд молодых специалистов. К этому же времени относятся значительные приращения научных коллекций Музея: ценнейшее собрание предметов из африканских путешествий В. В. Юнкера, океанские коллекции Н. Н. Миклухи-Маклая, крупные собрания экспонатов из Сибири (от Географического общества, от Д. Н. Анучина и др.) и т. д. В результате к началу XX столетия Музей антропологии и этнографии Академии Наук превратился из простого хранилища редкостей в крупнейшее научное учреждение, в базу этнографических исследований. С 1900 г. стал выходить специальный научный орган Музея — «Сборники Музея антропологии и этнографии», где публиковались материалы о ценнейших фондах Музея и печатались статьи по всевозможным вопросам этнографии.

Музей сделался центром этнографической работы. Вокруг него вырос актив молодых энтузиастов науки. В нем работали ученые, зарекомендовавшие себя плодотворной работой, хотя политическая репутация некоторых из них, например, бывших политических ссыльных, была в глазах царского правительства весьма сомнительной. Между прочим, в число сотрудников Музея вошли отбывшие ссылку этнографы-революционеры Л. Я. Штернберг, В. Г. Богораз-Тан, Д. А. Клеменц и Э. К. Пекарский.

Через Музей Академия вступила в живое общение с научными учреждениями за границей. Сотрудники Музея, особенно Штернберг и Богораз, выступали на международных конгрессах (американистов и др.), работы их печатались за границей. Музей вступил также в обменные связи с зарубежными музеями — Стокгольмским, Нью-Йоркским и другими, получал оттуда коллекции, организовывал совместные научные экспедиции.

С начала XX века экспедиционная деятельность Музея сильно расширилась. Прежде Музей выступал чаще в роли пассивного получателя пожертвований, коллекций, собиравшихся посторонними для него людьми. Теперь настало время более активного и планомерного пополнения Музея этнографическими коллекциями. Он перешел к системе организации специальных командировок и экспедиций, в том числе и заграничных, результатом которых было не только увеличение вещественных фондов Музея, но и ценные этнографические исследования.

В самом конце века, в 1899 г., в Академию Наук вступил А. С. Лаппо-Данилевский, сумевший сгруппировать вокруг себя многочисленных учеников и последователей. Автор разнообразных исторических исследований («Очерк истории крестьянского населения в России», «Организация прямого обложения в Московском государстве», «Русские промышленные и торговые компании в Московском государстве», незаконченная «История политических идей в России XVIII в. в связи с развитием ее культуры и ходом ее политики» и мн. др.), Лаппо-Данилевский много поработал над изданием исторических памятников. Организованный им кружок, изучивший «Грамоты Коллегии экономии», подготовил их к печати. Лаппо-Данилевским был составлен для Академии план издания пятнадцати тысяч грамот, он редактировал «Памятники русского законодательства», «Труды Комиссии по изданию бумаг М. М. Сперанского», сборник «Русская Наука».

Благодаря поддержке Лаппо-Данилевского была создана дол-

жность русского ученого-корреспондента в Риме, главным образом для работ в архиве Ватикана над документами, относящимися к истории России. Должность эту занял в 1903 г. Е. Ф. Шмурло, ученик К. Н. Бестужева-Рюмина, начавший свои работы с русской историографии и заострivший свое внимание на иностранных связях России («Восток и Запад в русской литературе», 1895). Важнейшим результатом его деятельности в Риме явилось трехтомное «Описание документов по дипломатическим и культурным сношениям России и Италии», в котором использованы материалы не только итальянских, но и испанских архивов. Шмурло опубликовал также несколько монографий по сношениям России с Италией: Падуанский университет избрал его своим почетным членом.

Одновременно с А. С. Лаппо-Данилевским в Академии Наук работал М. А. Дьяконов, юрист по образованию, давший много ценных исторических работ. Его магистерская диссертация «Власть московских государей» (1889) содержала ряд очерков по истории политических идей в древней Руси. Позднейшие работы М. А. Дьяконова были посвящены главным образом истории русского крестьянства и, в частности, закрепощению крестьян.

В начале Первой мировой войны в Академию Наук вступили одновременно три историка: В. С. Иконников, П. Г. Виноградов и М. М. Ковалевский, последний как специалист по государственному праву.

Главной заслугой В. С. Иконникова перед исторической наукой является его капитальный, доныне незаменимый труд «Опыт русской историографии» (Киев, 1891—1908). П. Г. Виноградов, профессор Московского и Оксфордского университетов, был в Академии первым ученым, который занимался средневековой историей; его главнейшие труды относились к социальной истории Англии, в частности к истории английского поместья. Таким образом, академическая историческая работа обогатилась новой специальностью. Среди научных работ М. М. Ковалевского, посвященных политическим и социальным проблемам, следует отметить обобщающее сочинение «Происхождение современной демократии», посвященное Французской буржуазной революции XVIII века.

Итак, мы видим, что к концу дореволюционного периода своей истории Академия Наук значительно расширила историческую тематику, приступив к работам по XVIII и XIX векам русской истории, по византиноведению, славяноведению и истории Запада; был создан крупный центр этнографической работы; налажива-

лись коллективные работы по изданию памятников, закреплялись и расширялись отношения с европейскими историками, были основаны в Риме и Константинополе новые центры русской исторической науки. Тем не менее нормальное развитие исторической науки, усвоение исторической наукой подлинно научного метода, тормозилось общими условиями дореволюционного режима.

Совершенно другое качество и небывалый размах приобрели академические работы по истории после Великой Октябрьской социалистической революции.

II

История развития советской исторической науки — это история быстрого распространения марксистско-ленинского материалистического понимания истории, его побед над историческим идеализмом и его пережитками, над всякого рода извращениями марксизма-ленинизма. Ко времени Октябрьской революции в русской исторической науке сложилась уже своя материалистическая традиция. Первое место в наследстве, которое оставила нам дореволюционная наука об обществе, занимают работы Ленина и Сталина. «Развитие капитализма в России» является непревзойденным образцом применения диалектического материализма к изучению истории хозяйства. В книге дана характеристика феодального, крепостнического, барщинного хозяйства, процесса его разложения и создания внутреннего рынка для крупной промышленности, дан ключ к пониманию всего развития России в конце XIX и в начале XX веков; методологическое значение книги далеко выходит за эти пределы. «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» — произведение, содержащее, помимо ряда частных, весьма значительных оценок исторических явлений, также блестяще развитое учение об общественно-экономических формациях, как известно, не смогло получить в дореволюционное время широкого распространения; тем не менее оно оказало значительное влияние на марксистскую историческую мысль. Не меньшее значение для советской исторической науки имела книга Ленина «Империализм как высшая стадия капитализма». Основанная, как и все работы Ленина, на тщательнейшем изучении громадного материала, она осветила по-новому всю историю человечества. Работа Сталина «Марксизм и национальный вопрос» своим осве-

щением проблемы возникновения наций и создания государственных образований дала установки, имеющие громадное значение и для историков, изучающих историю СССР, и для историков, изучающих историю Запада, и для историков, изучающих историю Востока.

Большую роль в распространении материалистического понимания истории сыграли в свое время также многочисленные работы Плеханова. Борясь против идеалистических взглядов народников, Плеханов создал ряд произведений, на которых, по словам Ленина, «воспиталось целое поколение русских марксистов». Самое значительное из этих произведений это «К вопросу о развитии монистического взгляда на историю», где Плеханов дал систематическое изложение марксовой теории исторического процесса, особенно подчеркнув его единство и закономерность. Надо, однако, отметить, что в других своих работах Плеханов не сумел преодолеть зависимость от выводов и построений идеалистических школ, господствовавших в его время: с некоторыми положениями, выдвинутыми Плехановым (в частности, в его «Истории русской общественной мысли»), марксистско-ленинской исторической науке пришлось вести самую решительную борьбу.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции дала могучий толчок развитию науки, в частности и исторической науки.

На всем протяжении советского периода нашей истории Коммунистическая партия и лично товарищ Сталин неоднократно помогали советским историкам в преодолении теоретической отсталости, в развертывании положительной творческой работы по освещению славного прошлого народов нашей страны в их борьбе с идеологическими извращениями. Достаточно напомнить известное выступление товарища Сталина на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 г., письмо товарища Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция» «О некоторых вопросах истории большевизма», решение ЦК ВКП(б) от 16 мая 1934 г. о преподавании истории, замечания товарищей Сталина, Кирова и Жданова о конспектах учебников по истории СССР и по новой истории (август 1934 г.), постановление Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) от 3 марта 1936 г. об организации конкурса на лучший учебник для третьих и четвертых классов средней школы по истории СССР, постановление жюри Правительственной комиссии по данному конкурсу. Настоящим праздником для всех историков СССР явился выход в свет «Истории Всесоюзной Коммунистиче-

ской партии (большевиков)» — этой подлинной жемчужины марксистско-ленинской науки. Громадное значение для развития нашей исторической науки имеет работа товарища Сталина «О диалектическом и историческом материализме».

Советский строй обеспечил историкам все условия для того, чтобы они могли развернуть работу по историческим наукам с максимальной полнотой и планомерностью. Если раньше в Академии Наук историей занимались отдельные ученые, то после революции здесь в специальных институтах были собраны крупные коллективы ученых. Из существовавшей ранее самостоятельно Археографической комиссии вырос в системе Академии Наук сначала Историко-археографический институт, а затем, с 1936 г.— Институт истории. В этот Институт тогда же влился Институт истории бывшей Коммунистической Академии, в свою очередь возникший на базе Института истории РАНИОН (Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук). 18 апреля 1919 г. Ленин подписал декрет о создании Академии истории материальной культуры — советского центра археологической науки и охраны культурных сокровищ страны. Впоследствии эта Академия (ГАИМК) вошла в виде Института истории материальной культуры имени Н. Я. Марра в состав Академии Наук СССР. Организованный на основе Азиатского Музея в системе Академии Наук Институт востоковедения в числе задач имеет также изучение истории народов Востока, в частности, входящих в состав Советского Союза.

Рядом со старым Музеем антропологии и этнографии в Академии Наук возникло несколько научных учреждений, которые в той или иной мере занимались этнографическими исследованиями. Таковы, например, Комиссия по изучению племенного состава населения (КИПС), преобразованная затем в Институт по изучению народов СССР, Особый комитет по исследованию союзных и автономных республик, Комиссия экспедиционных исследований, специальная Комиссия по изучению Якутской АССР и др. Впоследствии все эти учреждения слились в единый Институт этнографии Академии Наук СССР.

Наконец, недавно в системе Академии Наук организовано два новых исторических центра — Институт истории искусств и Институт истории естествознания.

Перед всеми этими коллективами возникли новые научные проблемы, которых не знали и не могли знать дореволюционные историки. Совершенно по-новому была поставлена проблема социально-

экономического развития общества на разных ступенях его развития в свете марксистско-ленинского учения об общественно-экономических формациях. Нужно было раздвинуть хронологические рамки исторических исследований, разработать историю эпохи империализма и пролетарских революций и эпохи социалистического строительства в СССР. Впервые перед советскими историками была поставлена задача изучения истории отдельных народов СССР, которых буржуазная историография презрительно рассматривала как «неисторические». Решение этих и многих других исторических проблем задерживалось вредным влиянием так называемой «школы» Покровского, подменявшей конкретное изучение истории абстрактными, оторванными от живой исторической действительности социологическими схемами. Исторические взгляды Покровского были осуждены в ряде перечисленных выше документов. Против антимарксистской и антиленинской концепции этой «школы» Институт истории АН СССР выпустил два сборника, где конкретно вскрыты ошибки М. Н. Покровского и его «школы» по разнообразным вопросам истории. Только преодолев извращения марксистско-ленинского понимания истории, проповедывавшиеся «школой» Покровского, советские историки вышли на широкий простор плодотворной научной работы.

Для выполнения стоявших перед историками грандиозных задач необходимо было ввести в научный оборот много новых, доселе неизвестных, источников и дать ряд монографий по актуальным вопросам и по отдельным периодам истории СССР и всеобщей истории. Значительная доля этой работы выполнена учреждениями Академии Наук. Нет возможности в кратком очерке перечислить все выпущенные Академией Наук за годы советской власти исторические труды, поэтому мы ограничимся перечислением лишь некоторых наиболее значительных из них.

Институтом истории и его предшественником — Историко-археографическим институтом было опубликовано большое число весьма важных исторических источников. Назовем из них: Двинские грамоты, Писцовую книгу Обонежской пятины XV века (Карелия), Писцовую книгу города Казани середины XVI века, многотомные материалы по истории Азербайджана, Дагестана, Казахстана, Татарии, Башкирии, Мордовской АССР и других народов, в том числе народов, не имевших до революции своей написанной истории. Систематически публиковались богатейшие материалы по истории великорусского землевладения, сельского хозяйства и сельского населения. Большую работу по выявлению этих материалов про-

вели члены-корреспонденты Академии Наук С. Б. Веселовский и А. И. Яковлев.

Следует отметить далее многотомное издание «Крепостная мануфактура в России», сборники материалов по истории крестьянской промышленности, по истории волнений на крепостных мануфактурах в XVIII веке, материалы по истории крестьянских движений под руководством Разина и Булавина. Под редакцией покойного проф. Е. А. Мороховца в Институте истории было подготовлено несколько томов основных материалов по истории крестьянского движения XIX века.

Очень ценны в научном отношении подготовленные Институтом истории новые переводы нерусских источников по истории народов СССР. Значительная их часть уже опубликована. Таковы: Путешествие ибн-Фадлана, перевод вновь открытого в Иране текста, подаренного СССР иранским правительством, затем «Хроника Генриха Латыша», «О двух Сарматиях» Матвея Меховского, «Хроника Титмара Мерзебургского», «Записки» А. Поссевино (последние две работы еще не напечатаны) и др.

Много весьма важных источников было опубликовано в издававшемся Институтом истории специальном «Историческом архиве» («Бурятская правда», обнаруженный С. А. Токаревым документ, очень ценный для изучения «варварских правд»; ценнейшие материалы П. А. Садикова об опричнине и др.).

Особое внимание, которое было уделено советской общественностью декабристам в связи со столетней годовщиной восстания 1825 г., содействовало публикациям архивных материалов по этому вопросу. Академия Наук издала трехтомный сборник «Памяти декабристов» (1926), содержащий разнообразную переписку. Были продолжены начатые еще до революции публикации архива братьев Тургеневых: в 1924 и 1930 гг. были изданы в серии «Архив братьев Тургеневых» дневник Н. И. Тургенева (вып. III и IV), в 1921 г.— переписка А. И. Тургенева с кн. П. А. Вяземским, в 1936 г.— переписка братьев Тургеневых. Из истории более поздних революционных движений Институт истории издал «Дело Петрашевцев» (1937 и 1941).

Продолжалось также изучение и публикация русских летописей. В частности, А. Н. Насоновым были пересмотрены на более широком рукописном материале «Псковские летописи», изданные Институтом истории. Продолжалось также печатание «Полного собрания Русских летописей». Кроме того, было подготовлено

к изданию несколько новых летописей. Общеизвестно, как много сделал для изучения русских летописей покойный академик А. А. Шахматов. Его общие соображения и разработанный им точный метод исследования продолжают вдохновлять его учеников и последователей и вызывают много интересных соображений у его оппонентов. В 1938 г. был издан посмертный труд А. А. Шахматова «Обозрение русских летописных сводов XIV—XVI вв.». Вскоре после этого вышел труд ученика академика Шахматова М. Д. Приселкова: «История русского летописания XI—XV вв.». С важными дополнениями и некоторыми возражениями Шахматову выступили академики Н. К. Никольский, не успевший, однако, окончить свой интересный труд (вышел лишь первый выпуск — «Повесть временных лет», как источник для начального периода русской письменности и культуры), и В. М. Истрин, опубликовавший в 1920—1930 гг. трехтомный труд «Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Текст, исследование и словарь». Исследованию включенных в летопись договоров Руси с греками были посвящены работы академика С. П. Обнорского. Автор доказал, что эти договоры (911 и 944 гг.) были переведены с греческого в момент их составления; таким образом, устанавливается наличие русской письменности в самом начале X века.

Очень значительную работу произвел Институт истории над замечательным памятником русского законодательства — «Русской Правдой», в текст которого переписчиками в разное время было внесено немало искажений. Изучавший этот документ в XIX веке Н. В. Калачов имел перед собой около 50 текстов, но в наше время их выявлено вдвое больше. Над новым изданием «Правды» работал под руководством академика Б. Д. Грекова большой коллектив ученых. Новое академическое издание «Русской Правды» — выдающаяся победа советских историков. Новое издание оказало уже влияние на оживление исследовательской работы в этой области. М. Н. Тихомиров, например, выпустил книгу о происхождении текстов «Русской Правды», ряд работ («Палеографические наблюдения над текстом «Русской Правды», «Смерд и холоп») дал В. П. Любимов, заканчивающий новое большое исследование о происхождении текстов «Русской Правды».

Рост научных кадров советских историков, успешная разработка ряда основных исторических проблем на основе марксистско-ленинских методологических установок, наконец, большое ко-

личество выявленных исторических материалов открыло возможность создания нового обобщающего труда по истории нашей Родины. Мы имеем в виду предпринятую Институтом истории двенадцатитомную историю СССР, охватывающую в соответствии с указаниями товарищей Сталина, Кирова и Жданова историю всех народов, населяющих Советский Союз. Эта работа потребовала привлечения специалистов по истории Украины, Белоруссии, Грузии, Армении, Азербайджана и других республик. Таким образом, вокруг этого серьезного научного предприятия образовался крупный ученый коллектив, в котором были представлены исследователи истории многих советских республик. В процессе их совместной работы было заново пересмотрено много вопросов и с большой пользой для дела сделаны дополнительные разыскания.

Первые два тома, посвященные древнейшей истории народов СССР, основаны на богатом археологическом материале. Они были поручены коллективу Института истории материальной культуры. Написание остальных десяти томов взял на себя Институт истории. К началу Отечественной войны уже были написаны первые шесть томов, охватывающие время до второй половины XIX века. Над остальными томами также идет энергичная работа.

Прекрасным образцом коллективной работы по истории Великой Октябрьской Социалистической революции является «История Гражданской войны в СССР», выходящая под редакцией М. Горького, В. Молотова, К. Ворошилова, С. Кирова, А. Жданова и И. Сталина.

В составлении двух вышедших в свет томов этого замечательного издания принимали активное участие академик Е. М. Ярославский, член-корр. АН СССР И. И. Минц.

В 1941 г. вышел в свет под редакцией академиков В. П. Волгина и Е. В. Тарле научный труд, посвященный Французской буржуазной революции 1789—1794 гг. Этот труд, в составлении которого участвовал большой авторский коллектив, дает всестороннее освещение основных проблем истории Французской буржуазной революции и довольно детальное изложение фактического хода ее событий. Институт завершил также исследование, посвященное кануну Французской буржуазной революции. Был подготовлен к печати до Великой Отечественной войны еще ряд томов («Древний Восток», «Западная Европа до XI в.», «Восточные страны до XI в.», «Европа XVI—XVII вв.», «Первая мировая война 1914—1918 гг.»).

Участвовала также Академия Наук в составлении коллективной «Истории дипломатии», которая является первым опытом марксистской работы, охватывающей историю дипломатии от древних времен до наших дней.

«История дипломатии» выходит под редакцией академика В. П. Потемкина. Основные ее разделы написаны академиком Е. В. Тарле, членами-корреспондентами С. В. Бахрушиным, Е. А. Косминским, С. Д. Сказкиным, И. И. Минцем, А. М. Панкратовой и др.

Собранный для многотомных изданий обширный материал был использован при составлении некоторых учебников для высшей школы. Академией Наук изданы все исторические учебники для высших учебных заведений и для средней школы как по истории СССР, так и по всеобщей истории (кроме учебника для младших классов, составленного группой специалистов под редакцией А. В. Шестакова).

Среди прочих коллективных изданий надо упомянуть вышедший в 1939 г. сборник «Против фашистской фальсификации истории». В этом сборнике помещены статьи «Фашизм и фальсификация исторической науки»; «Эгейская культура и фашистские фальсификаторы истории»; «Фальсификация истории раннегерманского общества фашистскими лжеучениями»; «Средние века в изображении германских расистов»; «Немецкий Drang nach Osten в фашистской историографии» и другие. Мы позволили себе перечислить некоторые из статей, так как этот перечень лучше всего показывает, как антинаучные «теории» фашистских немецких историков проникали во все отделы истории.

Некоторые уже вполне законченные коллективные работы задержались выходом в связи с обстоятельствами военного времени. Так, коллективом научных сотрудников, объединенных в «Комиссии по истории Академии Наук» при Архиве Академии Наук под руководством академика С. И. Вавилова, написан т. I «Истории Академии Наук СССР» (десять глав), охватывающий весь ее дореволюционный период, т. е. около двухсот лет.

В результате работ советских историков и археологов, объединенных в академическом коллективе, совершенно изменились наши представления о различных периодах истории СССР и других стран. Благодаря обширным археологическим исследованиям в СССР за советский период значительно расширились наши знания о древнейшем периоде истории нашей страны.

Археологические исследования в СССР приняли грандиозный размах. За двадцать пять лет своего существования Институт истории материальной культуры Академии Наук СССР, преобразованный из Академии истории материальной культуры, провел не менее трехсот археологических экспедиций и выпустил около двухсот шестидесяти названий своих трудов.

Археологическая наука СССР использовала достижения дореволюционной археологии, но качественно она значительно отличается от последней. Сильно расширились масштабы работ, археологи направили изучение памятников в СССР в сторону исследования древнейшей истории самых различных народов Советского Союза. Археология освободилась от характерных для дореволюционного времени тенденций любительского вещеведения, превратилась в одну из отраслей исторического знания, усвоив методологию диалектического материализма.

Много нового внесли открытия советских археологов в представления о формах хозяйства палеолита, об образе жизни, о технической вооруженности, об искусстве этой эпохи. Неолит на территории СССР по-настоящему начал изучаться лишь в советский период. Систематические исследования ряда областей (Севера, Карело-Финской ССР, Урала, Прибайкалья и др.) позволили выделить разнообразные неолитические культуры и хронологизировать их. Новые открытия (наскальные изображения в Карелии, Горбуновский торфяник, Олене-Островский могильник и др.) осветили наименее изученную сторону неолита — религиозные представления этого времени.

Широкое развитие в советский период получило исследование эпохи раннего металла на территории СССР. Большая работа была проведена в области изучения материалов «трипольской» культуры. Раскопки по Днепру, Днестру, Южному Бугу и около Одессы (Усатово) показали наличие различных этапов в развитии «трипольской» культуры и показали общность этой культуры в эпоху третьего и второго тысячелетий до нашей эры для всего Днепровско-Дунайского бассейна. Хорошо исследовалась эпоха бронзы на Кавказе. Проведены были также большие раскопки в Поволжье, Сибири, Центральном районе, Чувашии, на р. Буг и др.

Советские археологи продолжали раскопки античных городов Причерноморья: Ольвии, Херсонеса, Фанагории и Харакса. Кроме того, были начаты раскопки второстепенных античных поселений. Все это расширило наши исторические познания о характере античной цивилизации в Северном Причерноморье. Большие архео-

логические исследования были проведены на Кавказе, где работами руководят Академии Наук Грузии и Армении, возникшие на базе филиалов Академии Наук СССР.

Раскопки, проведенные в Средней Азии, открыли там «кельтеминарскую» и более позднюю «тазабагьябскую» культуры, которые указывают на исторические связи древнейшего населения Хорезма с Севером (с «афанасьевской» и «андроновской» культурами) и с Востоком (с культурой Анау).

Эллинистическая и раннесредневековая Средняя Азия были изучены экспедициями в Хорезм, Ургенч, Шахрисябз, Варахш, Мерв, Термез, Тараз. Результаты этих экспедиций показали высоту культуры древнего населения Средней Азии, ее выдающееся значение на Переднем Востоке. Работы в Сибири открыли высокую культуру скифского типа, послужившую основой для формирования раннесредневековых государств Саяно-Алтая и Центральной Азии, памятники которых обнаруживают их решающую роль в аккумуляции культур Переднего и Дальнего Востока.

Проблема славянского этногенеза являлась одной из ведущих тем советской археологии предвоенных лет. Намечена конкретная картина истории восточного славянства в первом тысячелетии нашей эры, свидетельствующая об автохтонности этногонического процесса и о его своеобразных путях в лесной и степной полосах.

Археологическим изучением древнерусского города были охвачены: Киев, Чернигов, Вышгород, Новгород, Старая Ладога, Псков, Старая Рязань, Владимир, Суздаль, Боголюбов, Ярославль и другие древние центры Руси. Получили новое освещение проблемы происхождения и развития городов, их социальной топографии, городского хозяйства и особенно истории архитектуры. С изучением города связано в значительной мере раскрытие ряда новых страниц в истории древнерусского ремесла.

Значительное внимание советские археологи уделили изучению культуры Болгарского царства и Хазарского каганата. Выявлена картина жизни болгарских городов (Болгар, Сувар и др.) как в древнюю пору, так и в Золотоордынский период. Систематически изучались памятники хазар, позволившие осветить ряд неясных сторон русско-хазарских связей и историю славяно-русской колонизации юго-востока.

Достижения советской археологии имеют большое значение, Исследовательская обработка фонда вновь открытых памят-

ников сыграла исключительную роль в развитии исторической науки СССР. Без археологии ранние страницы истории Булгарии, Хазарии, истории восточных славян, еще ранее скифов и греческих колоний на Северном Причерноморье, древней Армении и Грузии остались бы до сих пор для нас нераскрытыми. Благодаря достижениям археологической науки исторические познания расширились, достигнуты важные обобщения в области ранней истории народов Советского Союза. Новые открытия обогатили драгоценными памятниками наши государственные музеи — эти собрания сокровищ национальной культуры народов СССР, которыми гордится каждый советский патриот.

Переходя к трудам, основанным на изучении главным образом письменных источников, следует в первую очередь упомянуть о трудах академика Б. Д. Грекова, посвященных Киевскому государству. Его книга «Киевская Русь» вышла в 1944 г. уже четвертым изданием. В этом труде автор справедливо подчеркивает, что история Киевского государства является историей государства, давшего возможность созреть и вырасти и Украине, и Белоруссии, и Великороссии. В работе рассматривается сельское хозяйство и общественный строй до-Киевской и Киевской Руси, причем автор приходит к выводу, что земледелие господствовало в нашей стране очень давно, почему вопрос о форме землевладения, об организации вотчины является первостепенным. Частную собственность на землю можно проследить уже с IX века, а в XI веке мы имеем организованное на эксплоатации труда зависимых крестьян сельское хозяйство. Однако огромная масса населения состояла из свободных крестьян-общинников, постепенно закрепощавшихся. Выводом из всего исследования является признание древнего Киева центром большого государства.

Подобно другим дофеодальным государствам, и Киевское государство оказалось недолговечным. Специальная глава книги Б. Д. Грекова посвящена изучению распада этого государства в результате роста отдельных его составных частей и перемещения европейских торговых путей.

Совершенно по-новому освещена советскими историками борьба за создание централизованного русского государства и, в частности, интереснейшая эпоха Ивана Грозного. Последний предстает перед нами как замечательный государственный деятель, настойчиво укреплявший единое централизованное государство. Благодаря новым материалам (приходо-расходные книги Волоколамского монастыря, данные об опричнине, синодиках XVI века

и т. п.), можно теперь уточнить понятие опричнины, правильно объяснить и осветить борьбу Грозного с внутренней изменой и попыткой иностранной интервенции. Специальную монографию об Иване Грозном написал академик Р. Ю. Виппер (она вышла уже 3-м изданием); работу об Иване Грозном выпустил член-корр. АН СССР С. В. Бахрушин.

В тесной связи с царствованием Ивана Грозного стоит вопрос о «заповедных годах» и их роли в закрепощении крестьян. Работы академика Б. Д. Грекова, С. Б. Веселовского и других в этой области выявили экономические и политические условия, сделавшие неизбежным зависимость крестьян от землевладельцев и вмешательство в этот процесс государственной власти. Эти работы нанесли окончательный удар старой точке зрения на этот вопрос Ключевского — Дьяконова, выводившей закрепощение русских крестьян из их задолженности землевладельцам.

Большой вклад в изучение личности и деятельности Петра I представляет труд академика М. М. Богословского «Петр Первый» (вышло уже два тома). Другие работы советских историков о Петре I освещают мало изученные стороны деятельности Петра — его дипломатию, аграрную политику и т. д. При Институте истории работает особая исследовательская группа по изучению эпохи Петра I, возобновившая печатание бумаг и писем Петра и сдавшая в печать первый петровский сборник.

По истории XIX века велась обширная работа. По истории Отечественной войны 1812 г. следует отметить книгу академика Е. В. Тарле «1812 год. Нашествие Наполеона в Россию». Здесь широко использованы архивные материалы и богатая литература; ярко показана партизанская война русского народа против вторгшегося неприятеля, продуманный план Кутузова. Особенно много сделано по истории декабристов, чему способствовало напечатание богатых новых материалов. М. В. Нечкиной написана монография об Обществе соединенных славян и несколько работ по истории Южного общества декабристов; Н. М. Дружинин написал труд о Никите Муравьеве.

По истории международных отношений XIX века представляет интерес книга Е. В. Тарле «Крымская война». В этом двухтомном труде прослежены дипломатические переговоры, которые велись накануне войны, а также во время вступления русских войск в Молдавию и Валахию, кампания 1853 г. на Дунае и на Кавказе, Синопский бой, позиция Австрии, разрыв сношений между Россией, с одной стороны, и Англией и Францией — с другой, и объ-

явление войны, конец Дунайской кампании, Балтийская кампания 1854 г., высадка в Крыму, героическая оборона Севастополя, военные действия на других театрах, Парижский конгресс и мир. По истории международных отношений XX века был издан большой труд Б. А. Романова «Россия и Манчжурия», охвативший период, предшествовавший Русско-японской войне.

Академия Наук принимала также участие в работе по изучению истории рабочего класса XIX—XX веков и истории революционного движения. Среди громадного числа работ, опубликованных в СССР по этим вопросам, особо должны быть выделены работы академика Е. М. Ярославского и члена-корреспондента АН СССР А. М. Панкратовой. Е. М. Ярославскому принадлежат также труды по истории революции 1905 г. и по истории ВКП(б). Изучению теории и истории научного социализма отдал всю свою жизнь ученого академик В. В. Адоратский.

Заслугой советской историографии является изучение истории отдельных народов СССР — изучение, с каждым годом принимающее все более широкие размеры. В этой работе Академия Наук приняла самое живое участие, которое выразилось не только в издании многочисленных источников по истории народов (о чем уже сказано выше), но и в подготовке специальных исторических исследований и общих курсов. В последние годы Институт истории много работал по истории Казахстана, Узбекистана, приступил к работе по истории Таджикистана и Коми. В филиалах Академии Наук СССР — Армянском, Грузинском, Азербайджанском, Узбекском (впоследствии на базе перечисленных филиалов возникли самостоятельные Академии Наук), Казахском, Таджикском, Киргизском, Туркменском — также велась значительная работа по истории, археологии и этнографии.

С историей народов СССР тесно связаны проблемы истории славянских народов.

Советскими славистами выдвинуты в их работах четыре главные проблемы: 1) Этногенез славянства, 2) Древнейший социально-экономический быт славян, 3) Отношение к Византии, 4) Образование славянских государств.

Согласно учению академика Н. Я. Марра, славяне были исконными обитателями, а не пришельцами занятых ими территорий; в связи с этим вопрос об этногенезе славян получил в практике советских историков новую постановку. Академик Н. С. Держа-

вин, выпустивший в 1934 г. работу «Об этногенезе древних народов Днепровско-Дунайского бассейна», признает этническое единство этого бассейна. В другой работе «Византия и славянство VI в.» он доказывает раннее заселение славянами всей территории от берегов Эгейского и Адриатического морей до Карпат и Среднего Днепра. В последние годы вопросом этногенеза славян занимается член-корр. АН СССР А. Д. Удальцов.

Вопрос о роли славянства в Византии освещен академиком Ф. И. Успенским в т. II его «Истории Византии». Над этим вопросом продолжают усиленно работать многие представители советского византиноведения. По истории западных славян следует отметить вышедший еще в 1917 г. труд академика М. К. Любавского. По дипломатическим русско-сербским сношениям XVIII века работает член-корр. АН СССР С. К. Богоявленский.

Всеобщая история имела мало представителей в Академии до революции. В советское время в Академии Наук была поставлена работа как по древней, так и по средневековой, новой и новейшей истории.

Из исследований по древней истории следует в первую очередь назвать труды академика Б. А. Тураева и его ученика академика В. В. Струве. Б. А. Тураев известен своими классическими работами по Египту и другим странам древнего Востока. В. В. Струве, Н. М. Никольский и другие советские ученые впервые в науке поставили вопрос об общественно-экономической формации древнего Востока и дали по этому вопросу ряд ценных новых соображений.

Очень много сделано Академией Наук для развития халдоведения и разработки истории первого на территории нашей страны государства — Урарту. Незабвенны в этой области труды академика Н. Я. Марра, который, будучи преимущественно лингвистом, в то же время оставил глубокий след в самых разнообразных областях исторического исследования. Труды его в этом направлении продолжают академик И. А. Орбели, академик И. И. Мещанинов, Б. Б. Пиотровский и др.

Начало изучению древнейших обществ Двуречья — Ассирии и Вавилонии — положено в России такими учеными, как М. В. Никольский, В. К. Шилейко, Н. Я. Марр и Б. А. Тураев. Их работы продолжали в Академии Наук академик И. И. Мещанинов, А. П. Рифтин и др. История древней Персии в эпоху Ахменидов изучается членом-корр. АН СССР А. А. Фрейманом и М. М. Дьяконовым, история Иудеи и Израиля — А. Б. Рановичем

и др. В области семитологии, представленной в России таким первоклассным специалистом, как академик П. К. Коковцов, работали его ученики А. Борисов и В. Шилейко, которые совместно с академиком И. Ю. Крачковским издали ряд арамейских, южноарабских и пунических надписей советских собраний.

По античной истории неоценимые услуги науке оказал недавно скончавшийся академик С. А. Жебелев, которому принадлежит ведущая роль в изучении античного Причерноморья. Его последние работы проливают новый свет на историю социальных отношений и социальных движений в городах черноморской периферии античного мира. Социальной истории Древнего мира посвящены также труды академика А. И. Тюменева. Ряд обобщающих трудов по истории древних рабовладельческих обществ и по истории христианства дал еще до революции академик Р. Ю. Виппер, и сейчас продолжающий работу в этой области. Крупнейшим знатоком и исследователем греческих и латинских надписей, найденных на территории СССР, был академик В. В. Латышев, автор капитального двухтомного труда, составленного на основании изучения этих надписей (1885—1891). После Октябрьской революции он продолжал работать в этом направлении вплоть до своей смерти (1921), дав уже в советское время ряд весьма ценных работ.

В области медиевистики русская историческая наука всегда была представлена блестящими исследователями. Достаточно назвать имена Н. Н. Кудрявцева, С. В. Ешевского, В. Г. Васильевского, П. Г. Виноградова, М. М. Ковалевского. Ряд крупнейших ученых-медиевистов, составивших себе имя еще до Октябрьской революции, продолжали и в советское время работать в Академии Наук. К ним относятся Ф. И. Успенский, Д. М. Петрушевский, О. А. Добиаш-Рождественская и др. Наиболее многочисленную школу советских медиевистов создал академик Д. М. Петрушевский. Его исследование «Восстание Уота Тайлера», несколько раз переиздававшееся, стало в ряды классических произведений мировой исторической литературы. Широкой известностью пользуются также его курсы «Очерки из истории средневекового общества и государства» и «Очерки из истории Английского государства и общества в средние века».

Экономической, преимущественно аграрной истории посвящены основные работы учеников Д. М. Петрушевского. Проблемами аграрной истории Англии особенно много занимался член-корр. АН СССР Е. А. Косминский, автор труда «Английская деревня в XIII в.». Член-корр. АН СССР А. Д. Удальцов написал исследо-

вание «Из аграрной истории Каролингской Фландрии», примыкающее к его более ранней работе «Свободная деревня в Западной Нейстрии эпохи Меровингов и Каролингов» (1912). Н. П. Грацианский выпустил работу «Бургундская деревня в X—XI столетиях». К этим исследованиям примыкает труд В. М. Лавровского о парламентских огораживаниях в Англии, относящихся, правда, главным образом к концу XVIII и началу XIX веков и выходящих уже поэтому за пределы средневековья.

Необходимо остановиться также на трудах члена-корр. АН СССР О. А. Добиаш-Рождественской, палеографические исследования которой на основе хранящихся в Ленинграде уникальных рукописей доставили ей широкую известность среди европейских ученых, особенно во Франции и Англии. Ею, между прочим, составлено первое на русском языке пособие по латинской палеографии «История письма в средние века».

По средневековой истории Востока дали ряд замечательных трудов академики В. В. Бартольд, Б. Я. Владимирцов, И. Ю. Крачковский, член-корр. АН СССР А. Ю. Якубовский и др.

В области средневековой истории Востока в последнее время наиболее значительной является работа академика Б. Я. Владимирцова «Общественный строй монголов (монгольский кочевой феодализм)» (1934). На основании широкого привлечения китайских, монгольских и персидских источников, а также позднейших наблюдений работа обрисовывает феодальные отношения у монголов накануне образования империи Чингиз-хана.

Изучению истории дореволюционного и советского востоковедения, в особенности арабистики, посвящена некоторая часть работ академика И. Ю. Крачковского, уделившего в своих трудах немалое место и темам, связанным с историей мусульманского Востока. К числу последних работ академика Крачковского принадлежит издание, перевод и комментирование ряда средневековых арабских текстов. Член-корр. АН СССР А. Ю. Якубовский, продолжая исследование В. В. Бартольда в области изучения средневековой домонгольской истории Средней Азии, в своих работах наряду с письменными источниками широко привлекает результаты своих археологических трудов.

Переходя к новой и новейшей истории, надо прежде всего указать на многочисленные труды советских историков, посвященные Французской буржуазной революции 1789—1794 гг. и ее подготовке. Выше мы уже отметили вышедший в начале Отечественной войны том «Всемирной истории» на эту тему. Кроме того, в печать

сдан том, посвященный кануну Французской буржуазной революции. Вопросам идеологии Французской буржуазной революции и предреволюционной эпохи посвятил свои исследования академик В. П. Волгин. В его «Очерках по истории социализма» дан анализ социально-политических идей социалистов-утопистов XVIII века. Его труд «Социальные и политические идеи во Франции перед революцией (1748—1789)» дает характеристику основных течений социально-политической мысли предреволюционной Франции. Тому же автору принадлежит ряд очерков по истории социализма начала XIX века.

Французской буржуазной революции посвящены также многие работы академика Е. В. Тарле. Еще до 1917 года академиком Е. В. Тарле была написана работа «Рабочий класс во Франции во время революции». После Октябрьской революции Е. В. Тарле опубликовал монографию «Жерминаль и Прериаль», биографические монографии «Наполеон» и «Талейран». Более поздней истории Франции посвящены книги Е. В. Тарле «Рабочий класс во Франции в первые времена машинного производства» (1928) и исследования Ф. В. Потемника по истории лионских восстаний и по истории промышленного переворота во Франции.

Из других работ по новой истории, выполненных в Институте истории Академии Наук, может быть назван подготовленный к печати труд, посвященный истории Первой мировой войны. Этот обширный труд в сто печатных листов, написанный большим коллективом авторов под редакцией Ф. И. Нотовича, В. М. Хвостова и др., освещает не только ход военных событий, но также дипломатическую борьбу, рабочее движение, экономические процессы и классовую борьбу в различных странах во время Первой мировой войны.

Значительной областью советской исторической науки является новая и новейшая история Востока. В Институте истории подготовлен ряд монографий по истории Японии — Е. М. Жукова, по истории Турции — А. Ф. Миллера, сборник по истории международных отношений на Дальнем Востоке под редакцией академика Ф. А. Ротштейна и проф. Г. Н. Войтинского, работы И. М. Рейснера, А. А. Губера и других.

Следует остановиться на работах Архива Академии Наук, начавшего выпускать свои труды с 1933 г. Первым томом вышло под редакцией Г. А. Князева детальное «Обозрение архивных материалов» Архива (1933). В 1937 г. был выпущен второй том трудов — «Ученая корреспонденция Академии Наук XVIII века»

(1766—1782), научное описание, составленное И. И. Любименко под редакцией академика Д. С. Рождественского, Г. А. Князева и Л. Б. Модзалевского; здесь описано более двух тысяч писем, из коих тридцать одно дано целиком в приложении с переводами и комментариями специалистов (среди них неизданные письма Дидро, Кондорсэ, Лапласа, Лагранжа и других). Третий выпуск, появившийся также в 1937 г. и составленный Л. Б. Модзалевским, содержит научное описание рукописей Ломоносова. Выпуск четвертый, составленный В. Ф. Гнучевой под редакцией академика В. Л. Комарова, дает «Материалы для истории экспедиций Академии Наук в XVIII и XIX веках». Выпуск дает полный учет всех академических экспедиций и полное обозрение всех экспедиционных материалов Архива. «Комиссией по истории Академии Наук» издан под редакцией А. И. Андреева и Л. Б. Модзалевского ценный Ломоносовский сборник (1940), содержащий материалы, статьи и обзоры.

Выше отмечались уже достижения Академии Наук за советский период в области археологии. Не менее важные успехи достигнуты академическими учреждениями в области этнографии.

Создание комиссии экспедиционных исследований было связано с необычайным расширением экспедиционной деятельности Академии. Невозможно перечислить все многочисленные экспедиции и отдельные поездки, организованные за годы Советской власти в разные национальные районы нашей страны. Помимо отдельных, более или менее узко специальных экспедиционных обследований, проводившихся этнографами, особенно важно отметить большие комплексные экспедиции, в которых этнографы принимали участие рядом с представителями других научных дисциплин. Некоторые из этих экспедиций растягивались на ряд лет и вырастали в крупные и почти самостоятельные научные организации. Особенно крупный размах получили экспедиции Казахстанская, Кольская (Лопарская), Туркменская, Закавказская, Чувашская и др.

Замечательной по масштабу и результатам была Якутская экспедиция Академии Наук, работавшая под руководством академика В. Л. Комарова в течение шести лет (с 1925 по 1931 г.). Экспедиция поставила целью всестороннее изучение этой отдаленной и в царское время наиболее обездоленной окраины. Работа ее превратилась в своеобразное культурное шефство Академии Наук

над Якутской республикой. Одним из двадцати пяти отрядов и подотрядов экспедиции был этнографический. Плодом работ экспедиции и связанной с нею специальной Комиссии по изучению Якутской АССР явилась обширная серия монографий и сборников, целая библиотека книг о Якутии. В числе их видное место принадлежит историко-этнографическим работам.

Трудно перечислить все, что сделано Академией Наук или при ее участии и под ее руководством для этнографического изучения других народов СССР. Это изучение, как правило, связывалось и связывается с насущными практическими задачами социалистического строительства и культурной революции в национальных республиках и областях. С другой стороны, этнография заинтересовалась более широкой проблематикой, вошла в тесное соприкосновение с работами по изучению истории народов СССР в целом. Исключительная роль в этом принадлежала академику Н. Я. Марру. Для этнографии его работы имели особенно большое значение, совершенно по-новому поставив вопрос о взаимных культурно-исторических связях народов. Н. Я. Марр указал прежде всего на огромную, до того не признававшуюся, историческую роль яфетических народов и Кавказа как их главного гнезда в создании средиземноморской цивилизации («Яфетический Кавказ и 3-й этнический элемент в создании средиземноморской культуры», 1920, и ряд позднейших работ). Марр показал существование глубоких исторических связей у народов, считавшихся чужими друг другу по происхождению («Чуваши-яфетиды на Волге», 1926; «Яфетические зори на украинском хуторе», 1930; «Из поездки к европейским яфетидам», 1925, и мн. др.). Тем самым он сделал возможной совершенно новую, гораздо более широкую постановку вопросов этногенеза народов как нашей страны, так и зарубежных.

Издательская деятельность Академии Наук в области исторических дисциплин (отделения истории и философии) непрерывно росла. Помимо «Известий», монографий и коллективных трудов, Академия издавала ряд органов, систематически отражающих научную работу Институтов Академии по проблемам истории, археологии и этнографии: «Историк-марксист», впоследствии преобразованный в «Исторический журнал», «Исторические записки», «Исторический архив», «Проблемы источниковедения», «Советская археология», «Советская этнография» и другие.

* * *

Великая Отечественная война советского народа поставила новые задачи перед Академией Наук СССР и, в частности, перед ее коллективами историков. Воспитание советского патриотизма и национальной гордости народов СССР; изучение боевых традиций русского народа и других народов нашей страны, правдивое освещение их героического прошлого и разоблачение реакционной, звериной сущности фашизма — таковы неотложные задачи, которые стали перед советскими историками с первого же дня войны.

Большой и самостоятельной отраслью явилась для советских историков во время Отечественной войны работа по собиранию и обработке материалов по составлению хроники Великой Отечественной войны. Эта работа была возложена на специальную комиссию, которая развернула большую деятельность по собиранию самых разнообразных материалов, документов, записей рассказов участников сражений — рядовых бойцов, Героев Советского Союза, генералов и офицеров. Уже подготовлены материалы по истории ряда воинских соединений, по истории важнейших операций Красной Армии, по истории партизанского движения. Наряду с собиранием материалов, непосредственно связанных с фиксированием для целей изучения истории военных действий нашей доблестной армии, широко ведется сбор материалов, освещающих жизнь и работу героического советского тыла, социалистической индустрии, колхозного крестьянства, советской интеллигенции и т. д. Ведется также запись фольклора, рожденного событиями Великой Отечественной войны. Активно работает в руководстве комиссии член-корр. АН СССР И. И. Минц.

Несмотря на тяготы войны, исследовательская работа советских историков не прерывалась ни на один день. Многие из названных выше трудов были выпущены в дни Великой Отечественной войны, в частности, книга Е. В. Тарле «Крымская война» вышла в свет в Ленинграде в условиях жестокой блокады города.

Отечественная война вызвала огромный интерес к славному прошлому русского народа, особенно к его военной истории и истории культуры. Отвечая этому интересу, Институт истории подготовил «Историю русской культуры», два тома «Очерков по истории русской армии и русского военного искусства» и «Историю русского военного флота». Кроме того, Институтом истории издан сборник статей «Партизанская борьба в национально-осво-

бодительных войнах Запада». На эти же темы выпущен ряд популярных брошюр.

Широко развернулась за годы войны работа по изучению славянства. Член-корр. АН СССР В. И. Пичета закончил работу по истории Польши. Под редакцией проф. З. Р. Неедлы вышла книга о вековой борьбе западных и южных славян против германской агрессии; подготовлен ряд других сборников по вопросам истории славян.

В годы Отечественной войны Институт истории начал новые большие работы, имеющие крупнейшее научное и политическое значение. Такова пятитомная «История Москвы» (в связи с исполняющимся в 1947 г. восьмисотлетием нашей столицы), таковы работы по истории коллективизации сельского хозяйства СССР, по истории Второй мировой войны, коллективный труд «Кто такие национал-социалисты», ряд работ по проблемам международного характера (в том числе по истории международных отношений на Ближнем и Дальнем Востоке). Некоторые работы выполняются Институтом истории совместно с Тихоокеанским институтом, научным учреждением, вошедшим в состав Академии Наук СССР во время Великой Отечественной войны и выполняющим большую работу по исследованию социально-политической истории стран Тихоокеанского бассейна.

Широко развернулась подготовка новых кадров ученых-историков. Институт истории имеет сорок докторантов и сорок семь аспирантов. Совершенно не поддается учету многообразная работа, проведенная сотрудниками исторических коллективов Академии Наук по научной пропаганде, чтению лекций на исторические темы, по письменной и устной консультации, обслуживанию воинских частей, госпиталей, общей и фронтовой печати и т. д.

Советские археологи также не прекращали своей работы в самые трудные дни войны. По следам победоносной Красной Армии, гнавшей немецких варваров из пределов родной страны, археологи направлялись в освобожденные местности и вели учет разрушениям и ущербу, причиненным гитлеровскими вандалами памятникам старины. Так, уже в январе 1942 г. были обследованы разрушенные и разграбленные немцами памятники в гор. Истре. Тогда же были обследованы гор. Волоколамск и знаменитый Иосифо-Волоцкий монастырь, где помещался Краеведческий музей, Можайск, усадьба Гончаровых в Яропольце (имение матери жены А. С. Пушкина), имение генерал-фельдмаршала Захара Чернышева, под чьим командованием русские войска в 1760 г. взяли Бер-

лин, и др. В дальнейшем эти работы проводились в тесном контакте с Чрезвычайной Государственной Комиссией по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков. Не прерывалась во время войны и чисто исследовательская работа археологических учреждений Академии Наук (Фархадская и Ленская экспедиции 1943—1944 гг.).

Важнейшие задачи поставила война и перед Институтом этнографии Академии Наук. Институт занимался изучением национального состава различных областей и районов.

Так, вместе со всем героическим советским народом ученые — историки, археологи и этнографы Академии Наук СССР внесли свою лепту в дело разгрома смертельного нашего врага, осуществленное под руководством великого вождя и полководца Маршала Советского Союза И. В. Сталина.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

А19827 РИСО 2350 Подписано к печати 7.VI Объем 2,75 л.
Тираж 5 000 экз. Уч.-изд. 2,75 л. Цена 2 руб. Заказ 387

2-я типография издательства Академии Наук СССР, Москва,
Шубинский пер., 10.

8295

ЦЕНА 2 руб.